

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВСЕСОЮЗНОЕ БОТАНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
СВЕРДЛОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЗАПИСКИ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО БОТАНИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СВЕРДЛОВСК
1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Профессор, доктор биологических наук *П. Л. Горчаковский*, доцент, кандидат биологических наук *В. П. Голубинцева*, профессор, доктор биологических наук *Г. В. Заблуда*, профессор, доктор биологических наук *Б. П. Колесников*, доцент, кандидат биологических наук *П. В. Лебедев*.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

П. Л. Горчаковский и Г. В. Заблуда.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. К. Полуяхтов. Растительность Свердловской области (Геоботаническое районирование, карта и описание растительности). Часть 1-я. Описание растительных формаций лесов, лугов и болот области. Ученые записки (Смоленский Госуд. педагогич. институт), вып. VI, Смоленск, 1958, 320 стр., 44 рис., тираж. 1000 экз.

Степень изученности растительного покрова Свердловской области в настоящее время не соответствует степени его освоения народным хозяйством. На территории этого высоко индустриального экономического района, занимающего одно из ведущих мест в экономике Советского Союза, до сих пор имеются участки, о растительности которых отсутствуют достоверные ботанико-географические материалы. Еще нет полной сводной работы о растительности области, и многие важные вопросы ботанической географии этой территории недостаточно разработаны.

Рецензируемая книга¹, по замыслу К. К. Полуяхтова, является началом публикации его большой монографии, посвященной растительному покрову Свердловской области. Автор сообщает, что она является итогом его многолетних геоботанических исследований. Как видно из текста, автором широко использованы материалы лесоустройства, землеустройства и мелиоративных обследований, архивные и рукописные источники.

Опубликование первой части сводки К. К. Полуяхтова, казалось бы, должно расцениваться как явление своевременное и положительное, а труд автора — как заслуживающий уважения и поощрения. Компетентный читатель заранее готов снисходительно отнестись к возможным упущениям и недостаткам книги, понимая, что их трудно избежать в работе, претендующей на завершение длительного этапа геоботанического изучения обширной и разнородной территории.

Однако первое же беглое ознакомление с опубликованной частью работы К. К. Полуяхтова вызывает чувство недоумения, переходящее по мере углубленного чтения книги в досаду.

Прежде всего вызывает удивление необычная структура монографии. Казалось бы, она должна начинаться с обзора истории исследования растительности Свердловской области, характеристики степени ее современной изученности и анализа сложившихся ботанико-географических представлений, которые автор намерен преемственно развивать, уточнять, дополнять или опровергать в своей работе. Такого обзора в первой части работы нет, а список литературы, приложенный к ней, не содержит многих относящихся к теме важных литературных источников, что, конечно, недопустимо для монографии. Чтение книги убеждает, что отсутствие хотя бы краткого обзора предыдущих исследований — не случайность, а результат переоценки К. К. Полуяхтовым собственной роли в изучении растительности области. Он настойчиво стремится изобразить себя чуть ли не

---

¹ В основу рецензии положены выступления авторов на состоявшемся в октябре 1958 г. обсуждении книги К. К. Полуяхтова в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР. В обсуждении, кроме сотрудников Института биологии, приняли участие представители высших учебных заведений г. Свердловска и Свердловского отделения Всесоюзного ботанического общества.

ее первоисследователем, «впервые» открывающим для науки многие, до него якобы неизвестные, факты и явления. Без всяких обиняков автор заявляет, что в его работе «в п е р в ы е (как видно из текста, не только на территории области, но и вообще в истории науки ¹) описывается растительный покров лугов и болот, а также лесные формации и сорно-полевая растительность» (стр. 5). Книга буквально пестрит такими оборотами речи, как «наши многолетние исследования», «мы описали», «нами неоднократно отмечалось», «нами неоднократно описывалось», «по нашим, далеко не точным (!) подсчетам» и т. д. Так, например, в разделе о лугах есть фраза, начинающаяся словами «помимо о п и с а н н ы х н а м и представителей бобовых» (стр. 230); в тексте же идет речь о видах, описанных К. Линнеем и другими авторами задолго до К. К. Полуяхтова. В погоне за «приоритетом» автор дошел даже до утверждения, что ему принадлежит честь установления... «совместного произрастания осины и пихты» (стр. 156). «Настоящая работа,— подчеркивает К. К. Полуяхтов,— является первой попыткой составления общей классификации всех лугов области» (стр. 262). Однако из текста явствует, что принятая автором классификация лугов является лишь вариантом известной классификации А. П. Шенникова.

Другой поразительный структурный дефект книги заключается в том, что в ней отсутствует раздел о физико-географических условиях области (рельеф, климат, почвы), определяющих закономерности распределения растительности, хотя этим пунктом автор начинает перечень вопросов, якобы освещенных в его монографии (стр. 7). Тщательный просмотр книги показывает, что в ней также нет ни одной страницы, посвященной общей характеристике растительного покрова области, и нет ни одной фразы, из которой читатель может получить представление хотя бы о зонально-географическом положении Свердловской области и отношении ее растительности к смежным ботанико-географическим подразделениям территории СССР. Отдельные замечания по этим вопросам, разбросанные по всему тексту, не дают цельной картины, тем более они во многих случаях противоречивы. Например, на стр. 185 автор заявляет, что в горах на высоте 600—800 м над уровнем моря «климатические условия для роста луговой растительности заметно у х у д ш а ю т с я», а несколькими строками ниже указано, что на высоте 650—900 м над уровнем моря (т. е. почти в тех же высотных пределах) климатические условия «в п о л н е п р и е м л е м ы для луговой растительности». На стр. 187 указано: «Уфимские луга с л а б о в ы р а ж е н ы... Поемные луга реки Чусовой е щ е с л а б е е в ы р а ж е н ы». А на стр. 263 утверждается противоположное: «хорошо выражены луга в поймах следующих рек... Уфы ...Чусовой и их притоков». Или еще пример. На стр. 19 указано, что на восточном склоне Урала крупные массивы сосновых лесов встречаются «на всем его протяжении в пределах области (от 62° до 56° с.ш.)», а несколькими строками ниже говорится, что южнее Нижнего Тагила и до широты Свердловска «сосновых лесов мало». Картограмма на стр. 48 показывает, что сосновых лесов мало и севернее Нижнего Тагила, вплоть до верховьев р. Ляли.

Автор, по-видимому, слабо знаком с терминологией и понятиями из смежных с геоботаникой научных дисциплин — почвоведения, климатологии, геоморфологии. Скалистые вершины некоторых горных хребтов он именуется увалами (Шунутский камень, стр. 107), все озерные отложения отождествляет с сапропелем, поясняя, что сапропель это «гниющий ил» (стр. 274). На территории области он выделяет «горно-хребтовую» и «пониженную хребтовую» части (стр. 10, 101 и др.), для которых приводит «хребтово-каменистые» (стр. 56) и «подзолисто-хрящевато-камени-

¹ Здесь и в дальнейшем выделения в цитатах из работы К. К. Полуяхтова и замечания в скобках принадлежат авторам рецензии.

сты» (1) почвы (стр. 70). Из-за столь вольного и беззаботного обращения со специальной терминологией (примеры можно умножить, они встречаются почти на каждой странице) даже лицу, знакомому с природой и растительностью области, крайне трудно составить сколько-либо ясное представление о связи описанных К. К. Полуяхтовым ассоциаций с элементами рельефа и почвами, об их положении в экологических и топографических профилях.

В конечном итоге заявления К. К. Полуяхтова о том, что растительность Свердловской области им рассматривается «как часть растительного покрова СССР» и что, решая проблему типологического расчленения растительности, он исходит «из принципиальных установок советской геоботанической школы», не находят подтверждения в тексте. В книге не вскрываются связи растительности с географической средой, не показаны закономерности распределения растительности по территории области. По уровню объяснения взаимосвязей между растительностью и средой и процессов исторического развития растительности рецензируемая работа отстала от современных требований.

Перейдем к оценке содержащихся в книге материалов по классификации лесов, лугов и болот. В кратком введении к описанию лесов, лугов и болот (стр. 8—9) автор пытается изложить (в вольной интерпретации) некоторые принципиально важные представления советской геоботанической школы по классификационной проблеме. Весьма путанные и небрежные формулировки автора, его небрежное отношение к основным терминам геоботаники сразу же заставляют насторожиться читателя. В число «существенных признаков фитоценозов», по мнению автора, входят эколого-биологические свойства «эдифакторов» (sic!), а в формации объединяются группы ассоциации, «имеющие один и тот же доминантный (sic!) вид в главном ярусе». С первого взгляда кажется, что автор допущены описки, невыправленные в корректуре. По отношению к «доминантному» виду это, быть может и так, но термин «эдифактор фитоценоза» настойчиво повторяется на многих следующих страницах (например: стр. 15, 228, 229, 258, 285 и т. д.). Быть может, автором предложено какое-то новое понятие, оставленное без пояснения? Нет, текст на стр. 203 и 228 («основные доминирующие виды или эдифакторы» «выступают эдифакторами — создателями растительных ассоциаций»), не оставляет сомнений, что речь может идти только об обычных эдификаторах и просто автор не знает подлинного написания этого общепринятого термина. Искажение элементарного и общеизвестного термина ставит под сомнение осведомленность автора в теории геоботаники. Последнее полностью подтверждается при дальнейшем чтении книги. Поясняя содержание не менее элементарного понятия «видовой состав» у однородных фитоценозов, объединяемых в ассоциации, К. К. Полуяхтов указывает, что оно означает «общность преобладающих в каждом ярусе видов, а также обязательное сходство (?) общего количества (?) характерных основных массовых видов», и затем добавляет к этому перечню взаимоисключающих эпитетов еще «однотипность построения (ярусность и т. п.)» (стр. 8), т. е. признак уже строения, а не состава фитоценоза. На стр. 9 автор утверждает, что «основными единицами растительного покрова при решении ряда хозяйственных вопросов... являются группы ассоциаций и отдельные хорошо выраженные ассоциации, так как дифференцированный подход в этом отношении к отдельным ассоциациям не всегда доступен при современных условиях». Но тремя фразами ниже он заключает: «Поэтому главное внимание уделяется фитоценозам...», тем самым отвергая все свои предыдущие рассуждения! Но и это не все. В следующей фразе он указывает, что «в связи с этим (?) и учитывая объем работы», он будет «останавливаться только на кратком описании групп ассоциаций и наиболее широко распространенных отдельных ассоциациях». Не задумываясь, автор называет равноценные по объему классификационные подразделения то ассо-

циациями, то группами ассоциаций, то фитоценозами, то типами леса (а когда описывает леса, то и вариантами типа леса), используя эти разные термины как синонимы. Описывая группу боров-зеленомошников (стр. 24—33), он внутри нее выделяет одноименную ассоциацию (она же тип леса) «бор-зеленомошник» (стр. 28—30), в составе которой, в свою очередь, различает «ряд вариантов или самостоятельных ассоциаций». Выделение ряда «ассоциаций в ассоциациях», притом в одноименной группе ассоциаций, свидетельствует о крайне странном суждении автора об иерархии таксономических единиц в геоботанике.

Весьма «оригинальны» представления К. К. Полуяхтова и о номенклатуре ассоциаций. Для большинства лесных и луговых ассоциаций приведена параллельно русская и латинская номенклатура (последняя построена по двум разным принципам), а для болотных ассоциаций и ассоциаций кедрового леса почему-то только русская. Предложенные К. К. Полуяхтовым латинские названия ассоциаций и их групп свидетельствуют о неосведомленности автора в правилах фитоценологической номенклатуры. Элементы сложных названий ассоциаций и их групп часто не согласованы друг с другом в числе и падеже, а прилагательные не соответствуют роду существительных; почему-то часто они соединяются дефисом с существительными. Вот несколько примеров: «*Pinetum-graminosa herbosum*» (стр. 38), «*Lariceto pinetum vaccinoso-herbosum*» (стр. 40), «*Saliceto-betuleto-piceetosum-caricoso-sphagnosum*» (стр. 67), «*Pineto-chamaedaphne*» (стр. 76), «*Pineto-larix-betuletum herbosum*» (стр. 145), «*Pinetum sibiricum-hylocomiosum*» (стр. 95), «*Betuleto-tremuletum-calamagrosetosum* (группа ассоциаций!)» (стр. 158), «*Descampsia eta parvigraminosa*» (стр. 247), «*Ulmuso-Tilieto-Piceetum herbosum*» (стр. 76). «*Tilietoalnueto-piceetum magnoherbosum*» (стр. 75) и т. п.

Русские названия ассоциаций также не лишены «оригинальности» и, как правило, громоздки и неудобочитаемы, например, «мятликово-ползучеклеверные-пахучеромашково-птичье-гречишниковые луга» (стр. 229), «сосново-пушицево-осоково-андромедово-фускумсфагновая ассоциация» (стр. 276). В группе ельников сложных выделена ассоциация «широколиственно-ильмово-липово-пихтово-еловых травяных лесов» (стр. 76), и она же (или близкая к ней) описана в формации лесов с участием липы под названием «липово-ильмо (!) пихтово-еловый и (?) вейниково-разнотравный лес» (стр. 170).

Обращает внимание различный подход К. К. Полуяхтова к классификации лесных формаций. Сосновые, еловые и кедровые леса разделены им на группы ассоциаций применительно к известной классификационной схеме В. Н. Сукачева и с преимущественным использованием ее номенклатуры. Пихтовые и лиственничные леса также разделены на группы ассоциаций по сходному принципу, но названия ассоциаций по построению не отличаются от названий их групп (например, а с с о ц и а ц и я «липово-елово-пихтовые зеленомошно-травяные л е с а»). Березовые же и осиновые леса, а также леса с участием липы делятся на группы по их географическому распространению, причем у первой формации используется их зональное положение («березовые леса подзоны сосново-лиственных лесов и лесостепи»), у второй — оно же и характер происхождения («осиновые лесостепные колки» и «березово-осиновые вейниково-разнотравные леса (временные)»), а у третьей геоморфологические области («Предуралье», «горная полоса Урала», «Зауралье»). Автор относит насаждения, близкие по составу древостоя и нижних ярусов, в разные формации, называя выделенные ассоциации разными именами. Из описаний невозможно усмотреть разницу между «кедрово-елово-пихтовыми травяно-зеленомошными лесами» (стр. 112) и «пихтово-елово-кедровыми зеленомошными горными лесами» (стр. 96) или понять, почему отнесены к разным формациям «широколиственно-ильмово-липово-пихтово-словые травянистые леса» (стр.

76—78) и «ильмово-липово-елово-пихтовые травяные леса» (стр. 106—107), описанные к тому же из одного и того же пункта (у д. Коптелы, Шалинского района). Автор указывает, что «сосново-лиственничные злаково-разнотравные леса» (стр. 120—122) «близки по структуре и видовому составу» к ранее описанным «березово-сосново-лиственничным вейниково-бруснично-разнотравным лесам» (стр. 119—120), «но встречаются реже и занимают меньшие площади». Редкая встречаемость — вот и все различие! Из сравнения описаний не явствует каких-либо других действительно разграничительных признаков между ними. Надо заметить, характеристика большинства выделяемых К. К. Полуяхтовым ассоциаций дается не на основе анализа и обобщения данных нескольких конкретных описаний отдельных их участков, а в виде «примеров», которые автор иногда квалифицирует как «типичные», а чаще приводит без всяких оговорок. Становится ясным, что для многих ассоциаций он имел в своем распоряжении всего лишь по одному описанию и на таком скудном материале основывает свое суждение о них (например, стр. 64, 70, 72, 103, 104, 106, 107 и т. д.). К тому же большинство таких описаний неполно, содержит упрощенную, терминологически неверную, иногда совершенно непонятную характеристику местоположения («рельеф — понижение — окраина болот» на стр. 65) или почвы (...«подстилаемые... горными породами нижеследующего строения...») и далее приводится описание не горных пород, а почвы, стр. 60). Списки растений в описаниях содержат преимущественно вульгарные виды, с широким распространением и большой экологической амплитудой. Оценки обилия видов в отдельных случаях приведены, в других не даются совсем. Значок сор местами дифференцирован на сор₁, сор₂ и сор₃; чаще же он употребляется без этого подразделения, причем такой разнотрав встречается даже в одной и той же сводной таблице.

Ознакомление с рецензируемой книгой показывает, что она не отвечает задачам, стоящим перед региональными ботанико-географическими монографиями. В работе в сущности нет сколько-либо оригинальных мыслей или теоретических положений. Преобладает в книге описательный материал, собранный в разное время разными лицами по разнотравной методике; этот материал без должной квалификации и крайне небрежно сведен воедино. От обсуждения важных теоретических вопросов автор в большинстве случаев совершенно уклоняется. Там, где те или иные теоретические вопросы все же затрагиваются, К. К. Полуяхтов обычно постулат так: приводит мнения нескольких исследователей и... присоединяется к какому-либо из них. Даже «выводы», набранные в работе в разрядку или жирным шрифтом (например, на стр. 187 и 264), не выходят за рамки общеизвестных и общепринятых положений, заимствованных из литературных источников.

Характерно, что даже в тех случаях, когда приводятся данные, явно заимствованные у других авторов или взятые из ведомственных материалов, они обычно не сопровождаются ссылкой на источник. Так, например, автор умалчивает, что схема профилей торфяных залежей (рис. 43 на стр. 277) заимствована из работ Д. А. Герасимова, В. С. Доктуровского и С. Н. Тюремнова. Табличные данные о распределении площади лесов по древесным породам и возрасту, данные о запасах древесины, о площадях лугов и болот по области и по отдельным ее районам не сопровождаются указаниями, откуда они получены и к какому году учета относятся. Часть же таблиц, характеризующих таксационные элементы древостоев лесных ассоциаций (таблицы 5—7 и 10—11), не имеет даже указаний на районы (лесхозы). Поэтому все цифровые данные, относящиеся к характеристике сырьевых запасов лесной растительности области, не вызывают необходимого доверия. Большая часть их явно устарела. Из-за отсутствия указаний на методику составления и источники не могут быть критически оценены и полноценно использованы картограммы рас-

пространения по территории области главных древесных пород и образуемых ими лесов. Автор во всех случаях старательно указывает, что картограммы «составил К. К. Полуяхтов», но часто не заботится о достаточной расшифровке условных знаков (рис. 6, 14, 18, 21, 31), а на картограмме распространения лиственницы и лесов с ее господством совсем не дает объяснения двум условным обозначениям.

Поразительно велико в книге количество ошибок и опечаток, причем в отношении большей их части возможная ссылка на недосмотр корректора едва ли уместна. Вместо *Antennaria* в тексте мы находим *Anthennaria*, вместо *Galium* — *Gallim*, соответственно *Gentiana pneumonanthe* — *G. pneumonthe*, *Athyrium* — *Athirium*, *Equisetum silvaticum* — *Equisetum silvatica*, *Sphagnum Warnstorffii* — *S. Warnstorffii* и т. п. В одной и той же таблице на стр. 61 рядом приведено два «вида»: *Asarum europaeum* и *Osarum europaeum*, причем один из них отнесен к первому подъярусу, а другой — к третьему. После всего этого беспорядочная расстановка запятых при перечислении латинских названий растений кажется несущественной мелочью.

Характеризуя ассоциации, автор в одних случаях приводит латинские названия растений, в других пользуется русскими, причем зачастую ограничивается наименованием только рода: «башмачки», «лапчатка» (стр. 27), «ива», «шиповник» (стр. 29), «василистник», «ятрышник», «плаун», «папоротник мелкий», «звездчатка», «вейник», «огонек» (!), «сочевичник» и даже просто «папоротник» (?) (стр. 110).

Сводя воедино различные литературные и рукописные данные, автор был обязан унифицировать синонимику растений. Однако этого не сделано, и в тексте один и тот же вид нередко фигурирует под разными наименованиями. Приведем в качестве примера несколько пар таких синонимов, употребляемых в разных частях текста в качестве равноценных названий: *Gymnocarpium dryopteris* и *Dryopteris Linnaeana*, *Cassandra calcyculata* и *Chamaeraphne calyculata*, *Lychnis flos cuculi* и *Coronaria flos cuculi*, *Phleum Boemeri* и *Phleum phleoides*, *Cytisus raibonensis* и *Cytisus ruthenicus*, *Cotoneaster nigra* и *Cotoneaster melanocarpa*, *Oxycoccus palustris* и *Oxycoccus quaqripetalus*. Еще большей разноречивостью наблюдается в номенклатуре мхов. На правах равноценных названий приводятся такие синонимы, как *Hylocomium triquetrum* и *Rhytidiaepelphus triquetrus*, *Hypnum Schreberi* и *Pleurozium Schreberi*, *Hypnum crista castrensis* и *Ptilium crista castrensis*, *Shagnum angustifolium* и *S. parvifolium* и т. п. Больше того, при чтении работы становится ясным, что автор некоторые синонимы принимает за названия р а з н ы х в и д о в растений. Это легко обнаруживается в сводных списках наиболее обычных видов для отдельных растительных формаций. Один и тот же вид автор именует то *Orobus vernus*, то *Lathyrus vernus* и включает о б а названия в сводные таблицы флоры сосняков (стр. 52), ельников (стр. 81) и флоры липовых лесов (стр. 176). Если верить автору, в некоторых ассоциациях ельников встречается *Orobus vernus*, в других *Lathyrus vernus*; есть и такие ассоциации, где оба «вида» (фактически — синонимы) уживаются вместе! В сводной таблице флоры сосняков (стр. 53) в качестве р а з н ы х в и д о в приводятся *Hylocomium triquetrum* и *Rhytidiaepelphus triquetrus*. Еще больше «повезло» синонимам *Hylocomium proliferum* и *H. splendens*, которые в качестве названий р а з н ы х в и д о в приведены в сводных таблицах флоры сосновых (стр. 53), еловых (стр. 83), кедровых (стр. 100—101), пихтовых (стр. 117) и осиновых (стр. 165) лесов. Такие грубые ляпсусы невозможно объяснить только небрежностью; они свидетельствуют о том, что автор недостаточно знает растения, упоминаемые им в тексте.

В основу классификации лугов К. К. Полуяхтовым положена известная схема А. П. Шенникова, о чем им не раз упоминается в тексте (стр. 191, 247, 255, 263) и дважды в примечаниях (стр. 203 и 258). Следуя А. П. Шенникову, автор называет лугами ассоциации травянистых многолетних ме-

з о ф и т о в. Однако это не мешает ему включать в формацию торфянистых лугов «пушицевые луга с господством *Eriophorum latifolium* и гипновых мхов» (стр. 254), а также «топохвощевые (!?) луга — заросли *Equisetum limosum*» (стр. 256).

В конечном итоге, поскольку в работе нет никакой прочной теоретической основы, все классификационные построения К. К. Полуяхтова не вызывают доверия, а характеристики большинства выделенных им ассоциаций настолько расплывчаты и неопределенны, что во многих случаях их невозможно использовать даже как сырой фактический материал. К тому же обилие различного рода ошибок ставит вообще под сомнение достоверность приводимых данных.

Не трудно заметить, что К. К. Полуяхтов недостаточно ясно представляет себе экологию, биологию и ярусное положение в фитоценозах самых распространенных, вульгарных видов растений. В состав р а з н о т р а в и я им включен злак *Calamagrostis lanceolata* (стр. 298); кустарнички подбел и голубика отнесены к подлеску (стр. 33 и 89), в травостоях «субальпийских» лугов, по мнению автора, «к р о м е л у г о в ы х ф о р м, участвуют высокогорные т р а в я н и с т ы е виды, вышедшие из а л ь п и й с к о й области» (стр. 186). В перечне мезотрофных болот приведены формации: «калиново (!?)-березово-сфагновая» и «калиново (!?)-варнсторфо-сфагновая» (стр. 278). Описывая бор осоково-сфагновый (стр. 47), автор указывает, что в моховом покрове здесь преобладают *Sphagnum magellanicum* и *S. angustifolium* и в меньшем количестве *Thuidium abietinum*, а в травостое указана столь же невероятная комбинация *Carex aquatilis*, *Rubus chamaemorus* и «кустарника» (!?) *Andromeda polifolia*. Невозможность сочетания в одной ассоциации диаметрально противоположных условий среды (проточное увлажнение и сильная заболоченность), как и невероятность совместного произрастания столь резко различных по экологии видов, как видно, несколько не смущает автора.

Исключительная неряшливость слога, беспомощность автора в выражении мыслей и отсутствие элементарной логики делают чтение книги мучительно трудным, неприятным и бесполезным занятием. «Стиль» автора можно охарактеризовать несколькими наугад выбранными примерами. Так, говоря о происхождении ассоциации липово-пихтово-еловых разнотравных лесов (из группы сложных ельников), автор пишет: «Эти леса образовались из широколиственно-еловых лесов п р и в ы п а д е н и и из д р е в о с т о я и льма, клена и некоторых т р а в я н и с т ы х растений — спутников *широколиственных* лесов, под влиянием ухудшения условий для роста *хвойных* пород» (стр. 79). Почему ухудшение условий для роста хвойных вызвало выпадение из древостоя широколиственных пород и как травянистые растения могли попасть в древостой, автор не считает нужным разъяснить. Столь же невразумительная фраза на стр. 73, также относящаяся к сложным ельникам: «О с в о е н и е подлесных земель под сельскохозяйственные угодья в ряде мест с в е л и (?) еловые леса с широколиственными породами» (стр. 73). Примером логических построений автора может служить такое умозаключение: «В травяном покрове обильно разрастаются лесные травянистые растения. Все это (?) позволило выделить горные леса» (стр. 30). На стр. 188 автор, не смущаясь, утверждает, что «основной причиной предпочтения скотом той или иной травы является наличие в ней витамина «А». Содержание же протеина, по их в о з з р е н и ю, имеет меньшее влияние на вкусовые качества растений». Из контекста следует, что «их воззрения» могут быть отнесены только... к скоту. Режут глаз такие неуклюжие обороты, как «весьма огромные площади» (стр. 19), «горнокаменистые растения» (стр. 24), «горносклонистые болота» (стр. 271), «с п л о ш н ы е п я т н а зеленых мхов» (стр. 109), «возраст, близкий к умиранию деревьев» (стр. 85), «юго-восточную границу... следует считать по следующей линии» (стр. 118), «поглощенные» (стр. 73), «подлесные земли» (стр. 73), «по мере продвижения

на север... количество водораздельных лугов заметно падает» (стр. 186) и т. п.

Трудно отнести только к вине корректора огромное количество мелких, но существенных ошибок, щедро рассыпанных по всему тексту; многие из них искажают смысл фраз до абсурда. Приведем лишь некоторые из них: «бонитический анализ» торфяных напластований (стр. 274) вместо ботанического анализа, «Шигиринское болото» (стр. 270) вместо Шигирское, «ст. Монетняев» (стр. 277) вместо Монетная, «вегетативный период» (стр. 118) вместо вегетационный период, «овражно-болотная система» (стр. 308) вместо овражно-балочной системы. Можно смело сказать, что едва ли вообще найдется какая-либо другая книга геоботанического содержания, которая могла бы сравниться с рецензируемой работой по обилию ошибок, неточностей и по небрежности оформления.

Подход К. К. Полуяхтова к изучению растительности, весь стиль работы как нельзя лучше охарактеризовал сам автор на стр. 190, где он пишет: «не вдаваясь в глубину вопроса, приведем данные наших наблюдений...». Хотя слова «не вдаваясь в глубину вопроса» не гармонируют с утвердившимся представлением о монографии, они могли бы послужить прекрасным эпиграфом ко всей рецензируемой книге. Не приходится сомневаться, что «монография» К. К. Полуяхтова не отвечает стоящим перед ней задачам и не имеет научной ценности. Она свидетельствует о неосведомленности ее автора в теории геоботаники, что сочетается к тому же с неуважением к читателю и к науке. Выход в свет этой книги — печальное недоразумение; такие сочинения могут лишь дискредитировать советскую геоботанику в глазах работников производства. Невольно возникает вопрос: кто давал заключение о пригодности работы к изданию? Невозможно представить себе, что рукопись читал и правил профессор МГУ С. С. Станков, имя которого приведено на обороте титульного листа книги с эпитетом «о т в е т с т в е н н ы й редактор».

П. Л. Горчаковский и Б. П. Колесников